A. D. Tushingham, U. M. Franklin, Chr. Toogood in co-operation with K. C. Day, C. Jack and E. M. Mutterer. Studies in ancient Peruvian Metalworking. Toronto, 1979, 103 p., 97 pl.

Коллекция древнего золота и серебра, принадлежащая перуанскому миллионеру Мигелю Мухика Гальо, является одним из самых знаменитых в мире частных собраний. Она состоит из многих сотен древнеперуанских изделий, вынутых из могил кладоискателями и затем попавших в руки перекупщиков. В 1959 г. в ФРГ вышел альбом с изображениями многих предметов этой коллекции [1], а в 1968 и в 1976 г. альбомы-каталоги были выпущены в Перу и в Канаде [2]. Однако научного исследования уникальной коллекции долго не велось.

Воспользовавшись тем, что в 1976—1977 гг. принадлежащие Мухика Гальо предметы были привезены на временную выставку в Канаду, группа американских и канадских специалистов в области древней металлургии и археологии решила подвергнуть экспонаты всестороннему изучению. К сожалению, владелец коллекции в последний момент запретил брать пробы для химического анализа вещей, однако были проведены их тщательный осмотр и фотографирование в рентгеновских лучах. Результатом этой работы явилось коллективное исследование, опубликованное в 1979 г.

Как известно, северо-запад Южной Америки был, наряду с Ближним Востоком, одним из двух первичных мировых центров древней металлургии (обработка самородной меди была независимо открыта также индейцами района Великих Озер) [3]. Тем не менее исследования, посвященные возникновению и развитию этого южноамериканского центра, все еще крайне редки, чем и объясняется особый интерес, который вызывает новая публикация.

Коллекция Мухика Гальо, являясь случайной выборкой из вещей, имеющих хождение на рынке перуанских древностей, не в одинаковой степени охватывает разные районы и культуры. В ней совершенно не представлена древнейшая золотая металлургия Перу начала I тысячелетия до н. э. (культура чавин), а также металлургия перуано-боливийских культур бассейна оз. Титикака (тиауанако и др.). Кроме того, в коллекции перуанского миллионера сосредоточены преимущественно драгоценности, медных же вещей мало. Однако и с этими оговорками собрание Мухика Гальо остается наиболее полным из известных источников по древнеперуанской металлургии и металлообработке.

Подавляющее большинство вещей из собрания Мухика Гальо происходит с перуанского побережья, в основном с северного, из них значительная часть — из могильника Фриас в среднем течении р. Пьюра (в 70 *км* от границы с Эквадором). Этот могильник датируется примерно рубежом нашей эры и связан с начальными этапами развития культуры мочика, занявшей господствующее положение на североперуанском побережье в начале и середине I тысячелетия н. э. Остальные предметы из коллекции в основном относятся к развитой культуре мочика и к синхронным и более поздним культурам того же северного побережья: викус, ламбайеке, чиму, инка. Все вещи представляют собой украшения или ритуальные предметы (подвески, булавки, иглы, ожерелья, чаши и кубки, жертвенные топоры-ножи, короны, нашивки на одежде, сумочках и головных уборах, маски, статуэтки, позолоченное навершие палицы и пр.). Они изготовлены из золота, серебра, позолоченной меди и из сплавов и спаев этих металлов.

Выводы авторов, полученные в результате исследования, во многом новы и оригинальны. Прежде всего они ставят под сомнение ведущее положение северного побережья Перу как очага металлообработки в Южной Америке, хотя бóльшая часть древнеперуанского металла (не только из коллекции Мухика Гальо, но и из других собраний) происходит именно отсюда. Они подчеркивают тот факт, что местные мастера по металлу на протяжении долгих веков так и не выработали технических приемов, специфических для используемого ими материала, во всяком случае пользовались ими чрезвычайно редко. В большинстве случаев металлические изделия сделаны методами, заимствованными у гончаров и особенно ткачей. Вещи, которые на первый взгляд кажутся отлитыми в форме или по крайней мере спаянными, в действительности «сшиты» из нескольких тончайших золотых или серебряных листов. В некоторых случаях по непонятным для нас причинам мастер выбирал трудоемкий способ изготовления предмета, отказываясь от более простого, быстрого и очевидного. Это относится, в частности, к короне с перехватом (культура чиму), на изготовление которой, по данным эксперимента, ушло целых две недели (с. 16—18). Медные иглы, которые считали отлитыми, в действительности оказались изготовленными путем многократной проковки свернутого в трубочку металлического листа (с. 15).

---

[1] *M. Mujica Gallo.* Gold in Peru. Recklinghausen, 1959.

[2] *M. Mujica Gallo.* Catálogo Museo Oro del Peru, Fundación Miguel Mujica Gallo. Lima, 1968; *A. D. Tushingham.* Gold for the Gods. Toronto, 1976. С обоими этими изданиями я не имел возможности познакомиться.

[3] *C. C. Patterson.* Native copper, silver, and gold accessible to early metallurgists.— «American Antiquity» (далее — AAq), v. 36, № 3, 1971, p. 286—321.

В то же время древние ювелиры перуанского побережья достигли в некоторых отношениях поразительных результатов. Так, толщина фольги, используемой как исходный материал для дальнейших операций, настолько постоянна, как будто изготовлена индустриальными методами — отклонения не выходят за пределы принятых в промышленности допусков (с. 6). Швы между частями объемных фигур из золотого листа спрятаны столь умело, что и с помощью рентгеноскопии их лишь с трудом удается обнаружить. И все же в целом техника металлообработки весьма архаична.

По мнению авторов публикации, гораздо более передовые очаги металлургии существовали в горных районах центральных, северных и южных Анд. Инки восприняли эти горные традиции и принесли их на побережье. Именно к эпохе инков относятся в коллекции Мухика Гальо массивные литые вещи, как, например, навершие палицы.

Читателю книги изложенные выводы кажутся на первый взгляд чрезвычайно правдоподобными, так как подтверждаются подробным анализом предметов коллекции и их фотографиями. Однако если мы отвлечемся от собрания Мухика Гальо и примем к рассмотрению другие известные факты, картина станет более сложной. Авторы публикации склонны говорить о перуанской металлургии в целом, но фактически основывают свои выводы главным образом на анализе золотых и серебряных предметов. Как мы уже отметили, медные вещи в коллекции плохо представлены. Что же мы знаем об этих последних?

Среди медных изделий культуры мочика действительно много таких, которые демонстрируют архаичную технологию. Например, 8 из подвергнутых анализу 12 кубков изготовлены из самородной меди. Детали кубков соединены с помощью заклепок [4]. В то же время в погребениях и даже в слоях поселений этой культуры (и реже в погребениях синхронной мочика культуры гальинасо на ее позднем этапе, примерно в III—IV вв. н. э. [5]) встречаются массивные медные предметы, которые вряд ли могли быть сделаны иначе, нежели отливкой в формах. Это — навершия палиц, так называемые «долота» (в действительности, вероятно, какие-то ритуальные предметы или их части), жертвенные топоры-ножи и пр.[6] Подобные изделия никогда не подвергались анализу с применением точных методов, поэтому теоретически допустимо (хотя крайне маловероятно), что они каким-то образом изготовлены из мелких кусочков меди путем их горячей проковки. Однако это предположение исключается в отношении массивных и сложных по форме медных фигурок, скорее всего полученных методом «потерянного воска» [7]. Существует и еще одно убедительное доказательство знакомства создателей культуры мочика с отливкой металлических предметов в формах. Это опубликованный К. Доннаном сосуд, изображающий мочикских металлургов за работой [8]. Несколько человек стоят вокруг куполообразного горна и дуют в него через трубки. В горне лежат формы или тигли. По этим формам можно узнать, что за предметы делают мастера. По-видимому, речь идет не об орудиях, а об украшениях для церемониального головного убора. Если отливке подлежали украшения, тем более отпадают сомнения в изготовлении этим же методом более массивных вещей.

Традиции мочикской металлургии были, по-видимому, переданы создателям культур ламбайеке и чиму преинкского времени. От них дошло большое количество литых предметов, в частности лезвий землекопных орудий и жертвенных ножей-топоров [9]. По крайней мере часть этих предметов, если не все, изготовлена из мышьяковистой бронзы с содержанием мышьяка 1,5—4% [10]. Жертвенные ножи ламбайеке, безусловно, доинкские. Лезвия землекопалок чиму стилистически трудно точно датировать, но против отнесения их к инкскому времени есть косвенные соображения. Во-первых, большинство вещей найдено близ доинкских центров в Моче, Пакасмайо и Ламбайеке (а также в некоторых пунктах на центральном побережье), потерявших свое значение после прихода завоевателей из Куско. В то же время в тех долинах, где находились инкские форпосты (напри-

---

[4] *A. Friedman, E. Olsen, J. B. Bird.* Moche copper analyses: early New World metal technology.— AAq, v. 37, № 2, 1972, p. 254—258.

[5] *W. D. Strong, C. Evans.* Cultural stratigraphy in the Viru Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs.— «Columbia Studies in Archaeology and Ethnology», v. IV, N. Y., 1952, p. 72.

[6] *D. Collier.* An incised Mochica knife of copper.— AAq, v. 29, № 1, 1963, p. 104—105; *Chr. B. Donnan.* Moche occupation of the Santa Valley, Peru.—«University of California Publications in Anthropology», v. 8, Berkeley — Los Angeles — London, 1973, pl. 13-a, p. 119—120; *его же.* Moche art and iconography.—«UCLA Latin American Studies», v. 33. Los Angeles, 1976, fig. 113; *A. C. Lapiner.* Pre-Columbian art of South America. N. Y., 1976, pl. 346, 348, 362, 373.

[7] *Chr. B. Donnan.* Moche art..., fig. 5; и мн. др.

[8] *Chr. Donnan.* A precolumbian smelter from Northern Peru.—«Archaeology», v. 26, № 26, 1973, p. 289—297.

[9] *A. Baessler.* Altperuanische Metallgeräte. Berlin, 1906, fig. 18—23, 25, 28—30, 33—37, 56, 80, 82, 83, 95.

[10] *E. Nordenskiöld.* The Copper and Bronze Ages in South America. Göteborg, 1921, fig. 33 1 — p. Уже среди мочикских предметов есть содержащие 2%-ную примесь мышьяка (*C. C. Patterson.* Указ. раб., с. 305), но неизвестно, внесена ли она для улучшения свойств металла или случайно оказалась в руде.

мер, близ Пачакамака) бронзовые лезвия древних землекопных орудий почти не обнаружены. Во-вторых, инкские предметы сделаны либо из чистой меди, либо из оловянистой бронзы, но не содержат сколько-нибудь значительных примесей мышьяка [11].

Таким образом, вывод авторов публикации о почти полном отсутствии развитой металлургии на перуанском побережье неверен. Металлургам северного побережья уже с первых веков нашей эры были отлично известны как выплавка меди из руд (окисленных, разумеется, а не сульфатных), так и отливка сложных по форме и массивных металлических изделий. Другой вопрос, почему с подобной прогрессивной технологией продолжала сосуществовать примитивная, типа ковки изделий из самородной меди. Ответа на него пока нет.

С авторами публикации нельзя, однако, не согласиться, когда, сравнивая степень распространенности плавки металлов в древних культурах Перу и Колумбии, они отдают предпочтение второй из этих стран. Если приходится до сих пор специально доказывать знакомство жителей перуанского побережья с металлическим литьем, в отношении колумбийских индейцев это излишне. Начиная по крайней мере с первых веков н. э. почти все вещи из золота и его сплава с медью (тумбаги) отливались там главным образом методом «потерянного воска».

Авторы публикации пытаются преодолеть традиционный «перуаноцентризм» и поставить вопрос о том, что не только в Колумбии и Эквадоре находились более древние очаги металлургии, но и что культуры Северных Анд представляют такую же равноправную и важную часть единой южноамериканской цивилизации, как и перуано-боливийские культуры (с. 30). Такая переоценка напоминает дискуссию о сравнительной древности и оригинальности европейских и ближневосточных культур после того, как в результате радиокарбонного датирования время существования первых было отодвинуто в глубь веков.

Авторами публикации замечены некоторые факты, до сих пор ускользавшие от внимания американистов. Так, оказалось, что раннемочикские вещи из долины Пьюры отличаются от более поздних широким употреблением проволоки. Эта же особенность присуща изделиям индейцев Колумбии, но не характерна для древнеперуанских. Булавка (?) из мог. Фриас, украшенная фигурами обезьяны и птицы, оказалась похожа на подобный же предмет культуры калима в юго-западной Колумбии, датируемой примерно тем же временем (начало нашей эры). Но если в мочикской булавке было отлито только острие, навершие же ее изготовлено ковкой, то колумбийская оказалась целиком литой (с. 25). Это убедительно свидетельствует о большем распространении техники плавки в северных Андах, чем в центральных.

Вообще, открытие древнего металлургического центра в долине Пьюры само по себе служит важнейшим доказательством значительных северных влияний на перуанскую цивилизацию. Помимо Фриас, кладоискатели на протяжении последних 25 лет (главным образом в конце 60-х — начале 70-х годов) разорили еще несколько богатейших могильников в среднем течении этой реки, в общей сложности многие тысячи погребений. Так как на долю археологов почти ничего не осталось, хронология этих могильников не вполне ясна, но приблизительно восстанавливается следующим образом.

На рубеже нашей эры или даже за несколько веков до того в бассейне Пьюры находился один из очагов (возможно, главнейший) формирующейся мочикской культуры. На этом этапе данная культура предстает как синтез двух более ранних традиций, одна из которых восходит к древнейшей цивилизации чавин (точнее, к культурам побережья, находившимся под ее влиянием), другая — к сменившим чавиноидные культурам типа салинар, происхождение которых пока неясно. В дальнейшем центр мочика перемещается в более южные районы северного побережья, где эта культура вступает в тесный контакт с горной культурой рекуай, в Пьюре же развивается культура викус, кое в чем похожая на рекуай. По-видимому, она просуществовала все I тысячелетие н. э., так как на поселениях слои викус перекрыты непосредственно слоями прединкской культуры чиму [12].

Из могильников в бассейне Пьюры (как раннемочикских, так и викусских) было, по-видимому, извлечено больше металла (во всяком случае меди), чем за всю историю грабительских и научных раскопок на остальной территории Перу. По словам очевидцев, поверхность разоренных могильников здесь так же усыпана обломками металла, как обычно она бывает покрыта черепками от битых горшков [13]. Среди находок масса литых изделий, в том числе уникальные для Америки проушные топоры [14]. При этом социально-экономический уровень викуссцев был, по-видимому, относительно низок. В отличие от чавина, рекуай, мочика викус можно классифицировать как раннеземледельческую культуру, не достигшую стадии цивилизации.

---

[11] *E. Nordenskiöld.* Указ. раб., фиг. 18, 19, 21, 31 d-e, 32, 34, 38, 40, 41, 45, 46, 48, 49.

[12] *T. F. Lynch.* Current research, Andean South America.— AAq, v. 43, № 3, 1978, p. 525.

[13] *H. D. Disselhoff.* Vicus. Fine neuentdecte altperuanische Kultur.— «Monumenta Americana», B. VII. Berlin, 1971, S. 35.

[14] *R. Campa Soler.* Vicus-Paubur.— «Zeitschrift fur Ethnologie», B. 95, H. 1, 1970, Braunschweig, Foto 4.

По отношению к перуанской ойкумене долина Пьюры выступает как далекая северная окраина, но ее можно рассматривать и как южный форпост эквадоро-колумбийских культур. В пользу этого говорят достигающие глубины 15 *м* шахтовые могилы викуса [15]. Такие могилы характерны для Колумбии и Эквадора, но почти не встречаются в Перу.

С промежуточным положением долины Пьюры между двумя большими историческими областями связан и один частный, неразрешенный пока вопрос. Начиная с I тысячелетия н. э. для искусства севера Перу становится весьма характерным изображение странного существа, названного В. А. Башиловым «зверем рекуай» [16]. Он имеет длинный гребень на носу или темени и не похож ни на одно из реальных животных. Обычно считается, что в искусство мочика он попал из иконографии рекуай, однако это предположение пока не обосновано хронологически. Кроме того, загадочно происхождение самой культуры рекуай, имеющей явные аналогии в искусстве обитателей бассейн оз. Титикака первых веков до н. э.[17]. Эти аналогии не включают, однако, изображений животного с гребнем, отсутствующих в южном Перу и Боливии. Не исключено, что древнейшие в Перу изображения чудовища происходят с крайнего севера страны, а именно из мочикских могильников в Пьюре, где они являются самым популярным мифологическим сюжетом в искусстве малых форм.

Отдаленным прототипом для «зверя рекуай» могли бы быть вышивки на тканях с южного побережья Перу, видимо, передающие стилизованную фигуру обезьяны [18], но между двумя образами много недостающих звеньев. В то же время во многом сходные изображения представлены на сосудах и металлических изделиях панамской культуры кокле (середина I тысячелетия н. э.?).

Аналогии с кокле легче заметить, чем объяснить. По-видимому, авторы рецензируемой публикации правы в том, что нынешние представления о характере, направлении и интенсивности перуано-колумбийских контактов нуждаются в переоценке. Если предположить, что древнейшие изображения «зверя рекуай» появились не в Перу, а в Эквадоре или южной Колумбии, можно было бы понять, каким образом они попали затем в репертуар искусства как мочика, так и кокле, но не проникли в культуры южного и центрального Перу, за исключением отчасти паракас, имеющей много других сходных элементов с североперуанскими культурами.

Таким образом, рецензируемая публикация не только дает много новой ценной информации по древнеперуанской металлургии, но и заставляет задуматься над важными вопросами, касающимися путей и характера развития всей южноамериканской цивилизации. Она еще раз наводит на мысль о сложности и широте этого процесса, в который на протяжении тысячелетий были вовлечены не только несколько горных и прибрежных долин Перу с их очагами высокой культуры, но и обширные области северных и южных Анд (а также и Амазонии). Хотя в дальнейшем население этих областей значительно отстало в культурном и социально-экономическом отношении от перуанцев, оно внесло свой вклад в генезис центральноандской цивилизации, без которого та, вероятно, никогда бы не достигла уровня, на котором ее застали испанцы.

Ю. Е. Березкин

---

[15] *H. D. Disselhoff.* Указ. раб., с. 14.

[16] *В. А. Башилов.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 40.

[17] *D. L. Browman.* The origin and spread of Tiwanaku influence in the Southern Andes. St. Louis, 1979 (я признателен Д. Броуману за возможность ознакомиться с этой статьей, пока не опубликованной); *S. J. Chavez, K. L. Mohr Chavez.* A carved stela from Taraco, Puno, Peru, and the definition of an early style of stone sculpture from the Altiplano of Peru and Bolivia,— «Nawpa Pacha», Berkeley, v. 13, 1975, p. 45—84; *T. Grieder.* The art and archaeology of Pashash. Austin — London, 1978.

[18] Ср. *D. Eisleb.* Alt-Amerika. Berlin, 1974, S. 160 (изображение на ткани с п-ова Паракас) с *J. Bird, L. Bellinger.* Paracas fabrics and Nazca needleworks. Washington, 1954, pl. CXXV (изображение на ткани неизвестного происхождения, но стилистически близкое к рекуай».